

ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

С.Н. Корсаков

ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ СЕРЁЖНИКОВ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*

Корсаков Сергей Николаевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5; e-mail: snkorsakov@yandex.ru

Биографический очерк известного историка философии Виктора Константиновича Серёжникова. Серёжников – один из первых сотрудников Института философии и профессор философского факультета МИФЛИ, автор монографий об античных философах, Ламетри, Канте, переводчик философской классики. Принадлежал к РСДРП. До революции, когда труды философов-материалистов находились в России под запретом царской цензуры, он перевел и издал за границей на русском языке по одной философской книге Ламетри и Дидро. Биография В.К. Серёжникова впервые подробно разработана с использованием материалов нескольких архивов. Дается краткая характеристика роли Серёжникова в изучении античной философии в СССР в 1930-е гг. В.К. Серёжников был репрессирован и умер в лагере. Приводятся письма Серёжникова родным из заключения. В приложении публикуются воспоминания его дочери Веры Викторовны. В них воссоздается атмосфера жизни семьи профессора-философа – сотрудника Института философии 1930-х гг.

Ключевые слова: Серёжников, история философии, Институт философии, сталинизм

Виктор Константинович Серёжников принадлежал к той плеяде историков философии – марксистов, что сформировалась в рамках российского и международного социал-демократического движения в начале XX в. (Л.И. Аксельрод, В.А. Базаров, Я.А. Берман, А.М. Воден, И.П. Вороницын, А.М. Деборин, В.И. Засулич, В.Н. Максимовский, Б.Г. Стоппнер, А.А. Ческис, В.М. Шулятиков, П.С. Юшкевич и др.). Этих ученых отличало хорошее знание языков и глубокое понимание специфики философии и ее проблем. Научные интересы Серёжникова как историка философии постепенно перемещались от изучения французского материализма XVIII в. к немецкому идеализму и, прежде всего, Канту, а затем от немецкой классической философии к философии античной.

Серёжников родился 11 (24) ноября 1873 г. в с. Тундутово Черноярского уезда Астраханской губернии в бедной казачьей семье. Дед и отец его были неграмотными и в нижних чинах, обрабатывали землю, мать до замужества – горничная, после – прачка, дядя и двоюродные братья – или чернорабочие,

* При поддержке РГНФ. Проект № 15-03-00244 «Институт философии РАН в период сталинизма».

или ремесленники¹. И дед и отец умерли в один год (1883), и семья впала в нищету. У матери осталось на руках шестеро детей. Виктор – старший. В 1884 г. он окончил три класса городского училища в г. Черный Яр Астраханской губернии и по счастливой случайности попал в астраханскую гимназию на казенный счет (пансион) Астраханского казачьего войска. В 1892 г. он окончил гимназию с золотой медалью.

Летом 1892 г. Серёжников стал свидетелем «холерного бунта» в Астрахани. В стихийном восстании приняли участие десятки тысяч рабочих. Толпы народа, голодные, темные и невежественные, металась как разъяренный океан по улицам города, хватала медицинский персонал и разрывала на части, колотили, убивали докторов, фельдшеров, сестер милосердия или того, кого принимали за них, поджигали больницы. Бунт длился несколько дней и закончился расстрелом перед губернаторским домом, где пали сотни жертв. Виктор, только что сдавший выпускные экзамены и получивший аттестат зрелости, находился тогда в этой толпе и только по счастливой случайности не получил пули в лоб. После залпа раздался душераздирающий возглас обезумевшего от ужаса священника А.М. Шесминцева: «Православные! Что вы делаете! Кровь братьев проливаете!». Вскоре после расстрела этот священник снял с себя сан и уехал в Америку.

Виктор был потрясен произошедшим. От православно-монархических чувств, в которых его воспитывали, не осталось и следа. В начале 1890-х гг. вслед за неурожаем, голодом и другими экономическими потрясениями последовал подъем освободительного движения. Новая волна нашла в душе Виктора подготовленную почву.

В 1892 г. Серёжников поступил в Петербургский университет также на казенный счет Астраханского казачьего войска сначала на математический факультет, а потом на втором курсе перевелся на юридический. В университете он организовал студенческий кружок для изучения положения страны. В кружок вошел и М.А. Сильвин, тоже студент, бывший членом Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М.А. Сильвин приобщил Серёжникова к марксизму. В 1894 г. через Сильвина Серёжников познакомился с другими членами «Союза борьбы»: В.И. Лениным, Г.М. Кржижановским, А.А. Ваневым, Н.К. Крупской, Ю.О. Мартовым и многими другими. Началось изучение Маркса и, вместе с тем, подпольная революционная деятельность. Серёжников участвовал во многих кружках, бывал на многих заводах и фабриках, завел знакомство со многими рабочими, разбрасывал прокламации, принимал участие в технике печатания и вообще выполнял всяческие поручения организации. Его ввели кандидатом, а потом избрали членом «Союза борьбы». Провал организации в декабре 1895 г. привел в высылке Серёжникова на родину. Вскоре он вернулся в Петербург, где вновь принял участие в революционной работе, особенно активное во время массовой стачки 1896 г.

В 1897 г. Серёжников окончил университет по юридическому факультету с дипломом первой степени. Он предполагал остаться в университете при кафедре политической экономии и уже имел согласие профессора. Немудрено, ведь блестящий выпускник знал не только латынь и греческий, но и английский, итальянский, французский и немецкий языки. Но Серёжников получил повестку – вернуться в Астрахань для отбытия казачьей служебной повинности. В мае 1897 г. он вступил в сословие присяжных поверенных при Астраханском

¹ Биографические сведения приводятся здесь и далее по: Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 28; Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 6688.

окружном суде². В дальнейшем Серёжников, считая себя профессиональным революционером, принципиально не поступал на службу, зарабатывая литературным трудом, репетиторством, а адвокатской практикой в основном занимался, выполняя партийные поручения. Впоследствии он гордился тем, что на службу поступил только с приходом Советской власти.

В Астрахани в 1898–1899 гг. Серёжников организовал марксистский кружок из учащейся и рабочей молодежи. Партийная кличка его была «Викторский». Установил связи с Саратовом, пересылал туда прокламации и нелегальную литературу. В кружок входили портовые и транспортные рабочие, ремесленники (бондари и др.), а также ссыльные, которых в Астрахани было немало, включая таких известных революционеров, как Ю.Д. Мельников, И.Ф. Дубровинский, М.А. Трилиссер и др. В 1902 г. Серёжникова обыскивали, арестовали, но через четыре дня за отсутствием улик отпустили. Из кружка к 1903 году вырос Астраханский комитет РСДРП. Серёжников был одним из его организаторов, отвечал за подпольную типографию, руководил стачками, в частности, стачкой бондарей осенью-зимой 1903 г., проводил маевки. Оживление деятельности комитета связано с началом русско-японской войны: участился выпуск прокламаций, начались открытые выступления среди рабочих. На ноги была поднята вся астраханская полиция. В ночь на 10 марта 1904 г. по городу были произведены многочисленные обыски и аресты. Серёжников был арестован на нелегальной сходке и предан суду по статье 102 Уложения о наказаниях в рамках «процесса двадцати» — двадцати бывших руководителей астраханских социал-демократов.

После продолжительного сидения в астраханской тюрьме во время предварительного следствия, Серёжников был в октябре 1904 г. выпущен до рассмотрения дела Судебной палатой и выслан в Саратов. Общественная обстановка была предельно накалена, то был самый пик революции 1905 года. Саратовские социал-демократы, среди которых были И.П. Гольденберг, И.М. Майский, группировались около газеты «Приволжский край». Серёжников вступил в местный комитет РСДРП, и по поручению комитета редактировал «Приволжский край» и «Прикаспийскую газету». В Саратове большевики и меньшевики составляли объединенную организацию, поэтому в декабре 1905 г. Серёжников был от Саратовского комитета делегирован сразу на меньшевистскую конференцию в Петербург и на большевистскую в Таммерфорс. Серёжников поехал в Петербург, где остался, так как Саратовский комитет был за это время разгромлен полицией.

Серёжников вступил в Петербургскую организацию меньшевиков и принял активное участие в думских предвыборных кампаниях. С февраля 1906 г. он был корреспондентом от меньшевистских газет в Первой Государственной Думе. В августе 1906 г. он поступил переводчиком в издательство «Отечественная польза». В 1906 г. он перевел совместно с Д. Майзелем книгу Августа Бебеля «Шарль Фурье, его жизнь и учение».

Во Второй Думе он с марта 1907 г. был представителем ЦК партии меньшевиков и работал секретарем социал-демократической фракции. 5 мая 1907 г. во время разгрома фракции он был арестован и после пребывания под следствием в Петербургской пересыльной тюрьме приговорен в августе 1907 г. к ссылке в Вологодскую губернию. Ссылка была заменена высылкой за границу.

Серёжников выехал в Берлин. Официально он не работал. Публиковался в теоретическом органе германской социал-демократии «Die Neue Zeit». В феврале 1908 г. на одной из нелегальных сходов он был арестован, за-

² Регистрационный бланк члена ВКП(б) № 1179968 (1936).

ключен в тюрьму по обвинению в организации преступного сообщества с целью низвержения существующего строя и выслан «на вечные времена» за пределы Пруссии.

Серёжников переехал в Женеву и поступил переводчиком в издательство М.И. Семёнова. Был избран членом женевского Заграничного бюро ЦК РСДРП(м). После продолжительных скитаний по Германии, Италии, Швейцарии и Франции в погоне за заработком, Серёжников в декабре 1908 г. осел, наконец, в Париже, где провел последние два года эмиграции, работая переводчиком в парижском представительстве издательства Семёнова.

В Париже Серёжников продолжал участвовать в партийной жизни, сотрудничал в газете «Le Socialisme», выступал с докладами на собраниях, участвовал в различных комиссиях; в частности, вместе с Н.А. Семашко, С.А. Лозовским, Г.Е. Зиновьевым и Г.В. Чичериным он участвовал в комиссии по разработке законопроектов по социальному страхованию рабочих для думской социал-демократической фракции. Имел связи с парижскими рабочими, участвовал в кружках гедистов³, синдикалистов, с которыми вел дискуссии.

В Париже Серёжников усиленно работал с первоисточниками, занимаясь исследованиями в области древнегреческой философии и французского материализма XVIII века. Он написал книгу о Ламетри, но основное внимание уделил работе над переводами. Им были выполнены переводы «Человека-машины» Ламетри, философских произведений Дидро, «Системы природы» Гольбаха. В 1911 г. перевод «Человека-машины» был издан в Петербурге. Книге было предпослано предисловие Серёжникова, подписанное псевдонимом Виктор Констанс.

В ноябре 1911 г. Серёжников вернулся в Россию и поселился в Москве. В декабре 1912 г. был принят в число присяжных поверенных округа Саратовской судебной палаты. Занимался переводной и журнальной работой в разных издательствах. В 1913 г. в Петербурге в его переводе и с его примечаниями вышли философские сочинения Дидро⁴. О качестве переводов Серёжникова свидетельствует то, что в последнем академическом издании философских трудов Дидро в серии «Философское наследие» в 1986 г. ряд произведений Дидро приводится в переводе Серёжникова либо же в переводах П.С. Попова, сделанных на основе переводов Серёжникова. В 1913 г. он перевел «Историю экономических учений» Ш. Жида. В «Энциклопедическом словаре» братьев Гранат Серёжников поместил статьи «Де-Греэф», «Дюркгейм», «Зиммель», «Кондорсе»⁵.

В Москве Серёжников присоединился к объединенной социал-демократической группе (меньшевиков и большевиков), вел пропаганду среди пищевиков, трамвайных рабочих, приказчиков, редактировал газету профсоюза поваров, накануне Февральской революции принял участие в организации стачки городских рабочих и служащих. Публиковался в журналах «Голос социал-демократа», «Наша заря», «Кооперативный мир», «Дело».

С началом Февральской революции Серёжников по поручению меньшевистской организации вел агитацию на многочисленных собраниях, на площадях, на фабриках и заводах, выпустил несколько брошюр, читал лекции по теории марксизма и программе партии, был избран гласным Московской городской Думы по списку меньшевиков. Опубликовал брошюры: «Как укрепить новые порядки», «Что такое Учредительное собрание», «Как будут про-

³ Французские социалисты, последователи Ж. Геда.

⁴ Дидро Д. Избранные философские сочинения / Пер. и примеч. В.К. Серёжникова. СПб., 1913.

⁵ Соколов В.В. В.К. Серёжников // История философской мысли в Московском университете. М., 1982. С. 234–236.

изводиться выборы и кто имеет право избирать в Учредительное собрание». Расстрел Временным правительством, в которое входили меньшевики, массовой демонстрации в июле 1917 г. в Петрограде привел к перелому в мировоззрении Серёжникова. Он отошел от меньшевиков, а после Октябрьской революции перешел на сторону большевиков.

В октябре 1917 – августе 1919 гг. он служил юрисконсультантом в Государственном объединении металлургических заводов. 20 октября 1918 г. по рекомендации В.И. Ленина Серёжников был избран действительным членом Социалистической (позже Коммунистической) академии. С декабря 1918 г. он состоял здесь профессором по кафедре философии и с января 1919 г. читал лекции по истории философии. В 1917–1918 гг. он перевел на русский язык «Наемный труд и капитал» и «Теории прибавочной стоимости» К. Маркса, «Карл Маркс и рабочие» К. Реннера, «О патриотизме и войне» К. Каутского, «Основы политической экономии» Ш. Жида.

В августе 1919 г. Социалистическая академия направила Серёжникова в Смоленск для организации университета. Серёжников возглавил новый университет в качестве ректора и проработал здесь до 1923 г. Одновременно с сентября 1919 г. он руководил рабфаком. В феврале 1920 г. его приняли в РКП(б). В Смоленске он выполнял многочисленные общественные нагрузки: избирался членом горсовета, участвовал в партийных комиссиях, выступал с докладами, в качестве агитатора в казармах, преподавал в партийных школах и на красноармейских курсах. В это время он поддержал местные власти в ходе известного процесса против иерархов Смоленской епархии⁶. Серёжников умел решать с руководством губернии вопросы жизни университета. Когда Серёжников уезжал из Смоленска, коллеги, студенты и рабфаковцы поднесли ему приветственный адрес, в котором говорилось: «Если Смоленский университет еще крепок доселе среди штатаний времени, то значительная доля строительных, упорядочивающих усилий и заслуг есть, бесспорно, доля Ваша»⁷.

В сентябре 1923 г. по решению ЦК РКП(б) Серёжников был назначен деканом факультета общественных наук (ФОН) МГУ и руководил им до его ликвидации в апреле 1925 г.⁸. Как декан он редактировал факультетский сборник⁹. На факультете Серёжников преподавал исторический материализм. Дело в том, что в те годы преподавание философии было свернуто. Марксизм понимался прежде всего как учение об обществе. Поэтому формально в учебных планах значился исторический материализм. Реально же курсы исторического материализма включали в себя и общеполитические, и историко-философские разделы.

При МГУ Г.Г. Шпетом был создан Институт научной философии, который входил в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В Институте научной философии Серёжников состоял действительным членом с апреля 1923 г., а с сентября 1923 г., после ликвидации ФОН, – в его штате. Здесь он читал слушателям курс античной философии, в 1925–1926 гг. заведовал учебной частью, с 1926 г. – секцией истории философии. По совместительству преподавал исторический материализм в Институте экспериментальной психологии. Им было

⁶ Серёжников В.К. Филипп, епископ Смоленский и Дорогобужский и православная церковь (По материалам процесса смоленских церковников 1–24 авг. 1922 г.). Смоленск, 1922.

⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10022. Оп. 1. Д. 6. Л. 2-об.

⁸ Павлов А.Т. Философия в Московском университете. СПб., 2010. С. 234, 240.

⁹ Факультет общественных наук Первого Московского государственного университета. М., 1925.

опубликовано несколько учебников и хрестоматий по диалектическому материализму, историческому материализму, истории философии¹⁰. Продолжал он работать и в жанре энциклопедических статей¹¹.

Когда в 1928–1929 гг. Институт научной философии РАНИОН был объединен с Философской секцией Коммунистической академии и создан Институт философии, Серёжников был избран действительным членом Института философии.

В 1925–1931 гг. Серёжников заведовал в МГУ кафедрой диалектического материализма. Факультетская принадлежность кафедры несколько раз менялась в связи с реорганизациями, которые претерпевал тогда университет. В январе 1929 г. – декабре 1930 г. Серёжников работал проректором МГУ по административно-хозяйственной части.

В 1922 г. в «Советском энциклопедическом словаре» Серёжников напечатал несколько десятков историко-философских статей. На основе ранее написанной работы о Ламетри в 1925 г. он выпустил книгу об этом французском материалисте¹². Но первостепенное внимание ученый сосредоточил в этот период на немецкой классической философии. В 1925 г. в Институте научной философии РАНИОН он выступил с докладом по философии истории Канта. В «Энциклопедии государства и права» он поместил статьи о Гегеле и Канте¹³. Серия статей о Канте¹⁴ завершилась монографией, вышедшей в 1926 г.¹⁵. Книга Серёжникова о Канте была признана тогдашними советскими рецензентами слишком кантианской¹⁶. Один из них утверждал: «Перед нами работа, которая под стать самому заправскому кантианцу, старающемуся доказать научность кантовской философии»¹⁷. Тон в философской литературе тогда задавали деборинцы, для которых Кант не был приоритетной фигурой, и рассматривался лишь как предтеча Гегеля. Поэтому работу объявили апологетикой и пропагандой кантовского априоризма.

В философских дискуссиях 1920-х гг. Серёжников не примыкал ни к диалектикам, ни к механистам, хотя в личном плане больше общался с последними. Несмотря на этот нейтралитет в 1930 г., когда деборинцев объявили «агентурой контрреволюционного троцкизма в философии», а механистов апологетами бухаринского «правого уклона», Серёжников тоже получил свою порцию шельмования. Он отвергал идеологические обвинения в том, что он был сторонником Бухарина или сторонником механистов. Университетская газета в ответ официально оповещала: «Редакция ни в коей мере не удовлетворена “опровержением” тов. Серёжникова»¹⁸.

¹⁰ Серёжников В.К. Исторический материализм. Вып. I–II. М.; Л., 1928–1929; *Его же*. Очерки по истории философии. М.; Л., 1929; *Его же*. Заочник-юрист. М., 1930; *Его же*. Диалектический материализм. М., 1930; *Его же*. Как работать в семинарии. Опыт работы в семинарии по историческому материализму. М., 1930.

¹¹ См.: Серёжников В.К. Кампанелла // Большая сов. энцикл. Т. 31. М., 1937. Стлб. 136–139.

¹² Серёжников В.К. Ламетри. М., 1925.

¹³ Серёжников В.К. Гегель // Энцикл. гос-ва и права. Вып. II. М., 1925. С. 555–561; *Его же*. Кант // Энцикл. гос-ва и права. Вып. III. М., 1926. С. 351–364.

¹⁴ Серёжников В.К. Учение Канта о праве и государстве // Сов. право. 1924. № 3. С. 40–50; *Его же*. Учение Канта о времени и пространстве перед судом физиологии // Под знаменем марксизма. 1924. № 4–5. С. 50–59.

¹⁵ Серёжников В.К. Кант. М.; Л., 1926.

¹⁶ Рец. на кн.: Серёжников В.К. Кант. М.; Л., 1926 // Летописи марксизма. 1927. № 2. С. 133–134; Милонов К.К. Рец. на кн.: Серёжников В.К. Кант. М.; Л., 1926 // Правда. 9.06.1926.

¹⁷ Рец. на кн.: Серёжников В.К. Кант. М.; Л., 1926 // Летописи марксизма. 1927. № 2. С. 134.

¹⁸ Оруженосцы оппортунизма // Первый университет (Москва). 14.04.1930.

В 1931 г. была проведена коренная реорганизация МГУ. Гуманитарные специальности были выделены в самостоятельные вузы. Серёжников перешел из МГУ в Редакционно-издательский институт, где заведовал кафедрой диамата. В 1931–1932 гг. он работал научным сотрудником НИИ Музея революции. В сентябре 1932 г. Серёжникова перевели в Ленинград и назначили ректором ЛГУ.

В апреле 1934 г. Серёжников вернулся в Москву и был назначен директором Государственного исторического музея¹⁹. С сентября 1935 г. он работал в МИФЛИ, где заведовал кафедрой истории философии. 29 октября 1935 г. за совокупность работ о Ламетри и Канте Аттестационная комиссия Коммунистической академии присудила Серёжникову ученую степень доктора философских наук²⁰. 15 марта 1937 г. докторская степень Серёжникова была подтверждена Президиумом АН СССР.

В последний период творческой работы научные интересы Серёжникова сосредоточились на античной философии. Прежде всего, он выступил здесь в привычной ему роли переводчика классических текстов. В 1933 г. он перевел и совместно с А.Б. Рановичем снабдил примечаниями поэму «О природе вещей» Лукреция. В 1936 г. в переводе Серёжникова и с его примечаниями вышел диалог «Теэтет» Платона.

Перевод «Теэтета», выполненный Серёжниковым, получил в целом отрицательные рецензии коллег. М.А. Дынник в качестве достоинства перевода отметил стремление к простоте, к избавлению от архаизмов. Однако текст перевода в целом Дынник признал недоработанным, искажающим смысл греческого подлинника. Рецензент пришел к выводу, что перевод Серёжникова представлял собой зачастую перефразировку дореволюционного перевода В.Н. Карпова. В результате, по мнению Дынника, к ошибкам своего предшественника Серёжников добавлял новые, вызванные стремлением стилистически усовершенствовать русский текст без сверки с подлинником. В отношении примечаний рецензент заметил, что они во многом воспроизводят анализ платоновского диалога, данный в XIX веке Н. Сковцовым²¹.

Резкость оценок Дынника можно было бы объяснить личными мотивами. Ведь незадолго перед тем Серёжников дал в печати резко отрицательный отзыв на книгу М.А. Дынника «Очерк истории философии классической Греции» (М., 1936). Серёжников упрекал автора книги в том, что он не смог показать влияние греческой истории и культуры на развитие философских идей и обвинил его в вульгарном социологизме²².

Однако замечания М.А. Дынника в своей рецензии на перевод Серёжникова полностью повторил другой профессиональный переводчик философской литературы – И.Я. Колубовский, выполнивший в 1936 г. перевод «Системы трансцендентального идеализма» Шеллинга. Он обратил внимание на слабость примечаний. Масса античных реалий в примечаниях Серёжникова не объяснены, а сами примечания почерпнуты у предыдущих переводчиков и комментаторов «Теэтета» В. Карпова и Н. Сковцова. Колубовский признал, что в сравнении с переводом Карпова перевод Серёж-

¹⁹ Серёжников В.К. Государственный исторический музей и перспективы его развития // Сов. музей. 1935. № 2. С. 34–41.

²⁰ Загребаева В.Н., Козлов Б.И., Савина Г.А. Коммунистическая академия ЦИК СССР (1918–1936). Вып. II. М., 2009. С. 215.

²¹ Дынник М.А. Рец. на кн.: Платон. Теэтет. М.; Л., 1936 // Под знаменем марксизма. 1937. № 4. С. 222–226.

²² Серёжников В.К. Рец. на кн.: Дынник М.А. Очерк истории философии классической Греции. М., 1936 // Кн. и пролетар. революция. 1937. № 2. С. 147.

никова более гладок и удобочитаем. Тем не менее перевод этот изобилует неуклюжими и громоздкими фразами, особенно там, где надо передавать разговорную речь, с другой стороны, в нем встречаются вульгаризмы, не оживляющие, а засоряющие речь, используются слова иностранного, в частности, латинского происхождения, снижающие качество перевода, и, наконец, имеются погрешности против русского языка. Вывод у Колубовского совпадает с выводом Дынника: «Вместо того, чтобы погрузиться в греческий текст и дать действительно новый перевод, Серёжников ограничился модернизацией – перелицовкой на современный, бойкий, но полный вульгаризмов и неправильностей, язык тяжеловесного и старомодного карповского перевода»²³. Заслуживает внимания оценка В.Ф. Асмуса. Он считал, что перевод Серёжникова «написан простым, ясным и живым языком», но в действительно трудных местах переводчик теряется и, следуя за переводом Карпова, повторяет его неточности, так же как и неточности комментариев Скворцова. При этом «иногда примечание переводчика представляет не разъяснение трудностей или намек, данного в тексте, но скорее вопрос, с которым переводчик меланхолически обращается к самому себе и который, увы, снова остается без ответа»²⁴.

Тем не менее сам факт выхода в свет по инициативе Серёжникова платоновского диалога в 1936 г. был, несомненно, явлением положительным для повышения общего уровня философской культуры в стране. Широкий читатель получал возможность изучать Платона по первоисточнику. Новый русский перевод «Теэтета» появился только в 1968 г. в «Сочинениях», изданных в составе серии «Философское наследие».

От переводов античной классики Серёжников перешел к оригинальным историко-философским исследованиям. За короткий срок в два-три года им были написаны работы по всем основным темам истории античной философии. В 1936 г. им был опубликован целый корпус работ об Аристотеле, которые, если бы были собраны вместе, составили бы небольшую монографию. В журнале «Под знаменем марксизма» он публикует две статьи: об онтологии Аристотеля и о его социально-политическом учении²⁵. В том же году с предисловием Серёжникова вышла «Афинская полития» Аристотеля. На книгу были опубликованы положительные рецензии В.М. Познера в «Правде»²⁶ и Г.Ф. Александрова в журнале «Книга и пролетарская революция»²⁷.

В 1937 г. в переводе П.С. Попова выходит трактат Аристотеля «О душе». Книгу открывало предисловие Серёжникова, посвященное анализу теории познания Аристотеля. Рецензент книги Н.И. Кондаков отмечал, что это предисловие «вводит читателя в круг основных идей произведения Аристотеля, но изобилует не всегда объясняемыми цитатами, неточными формулировками»²⁸. Другой рецензент, Г.Ф. Александров, посчитал, что в своем

²³ Колубовский И.Я. Рец. на кн.: Платон. Теэтет / Пер. В.К. Серёжникова. М.; Л., 1936 // Фронт науки и техники. 1937. № 2. С. 139–144.

²⁴ Асмус В.Ф. Рец. на кн.: Платон. Теэтет / Пер. В.К. Серёжникова. М.; Л., 1936 // Кн. и пролетар. революция. 1936. № 12. С. 79–85.

²⁵ Серёжников В.К. Диалектика мира по Аристотелю // Под знаменем марксизма. 1936. № 7. С. 82–97; Его же. Социально-политическая теория Аристотеля // Под знаменем марксизма. 1936. № 9. С. 19–45.

²⁶ Познер В.М. Памятники человеческой мысли. Рец. на кн.: Аристотель. Афинская полития / Предисл. В.К. Серёжникова. М.; Л., 1936 // Правда. 16.11.1936.

²⁷ Александров Г.Ф. Рец. на кн.: Аристотель. Афинская полития / Предисл. В.К. Серёжникова. М.; Л., 1936 // Кн. и пролетар. революция. 1936. № 6. С. 48–55.

²⁸ Кондаков Н.И. Рец. на кн.: Аристотель. О душе / Предисл. В.К. Серёжникова. М., 1937 // Кн. и пролетар. революция. 1937. № 11. С. 67–73.

предисловии Серёжников «преувеличивает элементы материализма в теории познания Аристотеля и игнорирует его колебания в сторону идеализма, односторонне объясняет важнейшие категории аристотелевской диалектики – возможность и действительность – только как страдательные состояния, и ошибочно утверждает, будто бы “первые принципы”, аксиомы, начала Аристотеля получены путем обобщения чувственных данных»²⁹.

Наряду с преподавательской работой в МИФЛИ Серёжников вел научную работу в Институте философии. Незадолго до ареста Серёжников принял участие в проекте создания «Истории философии», которая впоследствии получила название «серая лошадь». Тексты его были рассмотрены Б.Э. Быховским, фактическим редактором издания, и завизированы А.М. Дебориным как академиком-секретарем Отделения общественных наук АН СССР. В связи с арестом автора статьи в печать не пошли, но, по счастью, сохранились в Архиве РАН. Это главы о борьбе материализма и идеализма в античной философии, об Эмпедокле и Анаксагоре, об атомизме Левкиппа – Демокрита, о Сократе и сократических школах, о Платоне, о скептицизме и эклектизме в древней, средней и новой Академии, об Аристотеле и о перипатетической школе. В связи с арестом Серёжникова, по темам, о которых он писал, было предложено написать Б.С. Чернышёву и Дыннику. Сравнительное изучение текстов позволяет сделать вывод, что Чернышёв и Дынник написали главы заново, не пользуясь текстами Серёжникова.

В 1937 г. вышел из печати первый том «Ученых записок» МИФЛИ. Том был полностью посвящен статьям ученых философского факультета. Декан факультета А.П. Гагарин выступил со статьей о положении дел на факультете. В статье, по существу, была обоснована программа репрессий в отношении советских философов вообще и преподавателей факультета в частности. Говоря о руководителях и преподавателях философского факультета, Гагарин заявил, что в его составе находилась «часть этих фашистских мерзавцев и шпионов иностранных разведок»³⁰. Чему же способствовали репрессии, и в чем «крутой поворот», о котором заявил декан Гагарин? «На философском факультете ликвидированы как чрезмерное увлечение изучением лишь идеалистических систем (Платона, Канта, Гегеля), так и недооценка историко-философского изучения материалистов и работ основоположников марксизма: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина»³¹. Куда держать курс теперь, чтобы «ликвидировать как можно скорее все последствия вредительства и выкорчевать до конца все проявления всякого рода меньшевистствующего идеализма»? Нужно найти новых жертв. Гагарин сообщает, что «партийным коллективом преподавателей вскрыты крупные политические и философские ошибки в работах Тележникова, Фурщика, Вандека, Серёжникова и др.»³².

Названные Гагариным философы, которых он собрался подвергнуть «критике и самокритике», еще находились на свободе. После того, как А. Гагарин публично заклеил своих коллег, людей, сделавших имя в философии еще в 1920-е гг., шансов выжить у них уже не оставалось. Все они были после публикации статьи Гагарина арестованы. Никто из них не выжил. Работы их были запрещены и отправлены в спецхран.

²⁹ Александров Г.Ф. Рец. на кн.: *Аристотель. О душе* / Предисл. В.К. Серёжникова. М., 1937 // Под знаменем марксизма. 1938. № 3. С. 182–187.

³⁰ Гагарин А.П. На философском факультете МИФЛИ // Тр. Моск. ин-та истории, философии и лит. им. Н.Г. Чернышевского. М., 1937. Т. 1. С. 267.

³¹ Там же. С. 267.

³² Там же. С. 269.

Начало этому было положено все в том же первом томе «Ученых записок» МИФЛИ. Внимательный читатель отметит наличие в книжке двух статей Г.Ф. Александрова: одна из них по античной философии. Между тем в Российской государственной библиотеке сохранился оттиск работы Серёжникова о Сократе и Платоне из того же первого тома «Ученых записок» МИФЛИ, который по количеству страниц совпадает со второй статьей Г.Ф. Александрова. Но в книжке «Ученых записок» никаких признаков работы Серёжникова нет. Очевидно, что печатание тиража было на полпути приостановлено деканатом, и статьи Серёжникова о Сократе и Платоне были подменены второй статьей Г.Ф. Александрова.

Когда после посмертной реабилитации Серёжникова его сестра стала хлопотать о назначении семье персональной пенсии и начала собирать для этого отзывы людей, знавших ее репрессированного мужа, на просьбу откликнулся А.П. Гагарин. В заявлении от 2 января 1956 г. он всячески поддерживал ходатайство о назначении семье Серёжникова персональной пенсии, сославшись при этом на выдающиеся научные заслуги этого профессора МИФЛИ: «Крупный советский ученый, старый революционер, коммунист, лично знавший Ленина, он пользовался значительным авторитетом»³³. О том, что привело к аресту Серёжникова, А.П. Гагарин высказался предельно лаконично: «Причина ареста его нам была неизвестна»³⁴.

Виктор Константинович Серёжников был арестован 27 апреля 1938 г. Он был потрясен несправедливостью безвинного ареста. Спустя несколько лет, 16 сентября 1943 г. он писал родным из заключения: «Я и до сего времени не могу вспомнить о нем и вызывать все подробности этого злосчастного дня 27 апреля, и боюсь. Боюсь, потому что разрываюсь. Избегаю вспоминать, несмотря на то, что протекло уже пять с половиной лет, долгих и страдальческих лет»³⁵.

Находясь в заключении, Серёжников беспокоился о судьбе своих рукописей. Он наивно полагал, что они могли выйти в свет после его ареста, и надеялся через это материально поддержать семью. 6 февраля 1941 г. он писал жене из Внутренней тюрьмы УНКВД Сталинградской области: «Лена, наведи справки в Институте философии Академии наук СССР, вышел ли в свет первый том “Истории философии” и помещены ли в нем мои статьи. Справиться можно или лично (Волхонка, 14) или через Бориса Степановича Чернышёва. В случае положительного ответа следует потребовать вознаграждения за статьи (часть мною была получена), а также получить авторские экземпляры. Я предполагаю прислать тебе доверенность на сей предмет. Точно также справься у Юрия Александровича Зимина, напечатаны ли мои переводы фрагментов Гераклита и произведения Аристотеля “О небе”»³⁶. Также следует получить авторские экземпляры и гонорар. О Зимине можно узнать у того же Чернышёва или у Дынника Михаила Александровича. В журналах “Под знаменем марксизма” и “Безбожник” тоже должны были появиться мои статьи. Справься и об этом. И тоже следует получить гонорар и оттиски статей в случае напечатания их»³⁷.

Серёжников был осужден 10 сентября 1941 г. Особым совещанием при НКВД СССР к заключению в ИТЛ. Содержался в г. Карабаш Челябинской области в ИТК № 3. Одна из дочерей навещала отца в заключении. В своих

³³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10022. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10022. Оп. 1. Д. 13.

³⁶ Трактат Аристотеля «О небе» на русском языке впервые появился лишь спустя сорок лет в 1981 г. в третьем томе «Сочинений» Аристотеля в переводе А.В. Лебедева.

³⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10022. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

письмах он давал им советы, как самостоятельно организовать свой научный труд, заниматься самообразованием, работать с литературой. В письме домой есть приписка, предназначенная дочери. Наставляя ее, отец пишет: «Наука – самое дорогое, что есть в жизни. Помни только, что занятия наукой требуют бескорыстной преданности ей и настойчивости, связанной с тяжелым и упорным трудом»³⁸.

Завещанием Серёжникова можно считать слова из последнего письма дочери из тюрьмы 21 января 1944 г.: «Как бы ни была продолжительна наша жизнь, никогда не устанешь заниматься наукой. Наука неисчерпаема, как неисчерпаема природа. Жаль только, что жизнь наша коротка. Тем более продуктивно надо проводить ее»³⁹.

Виктор Константинович Серёжников умер в заключении 27 июня 1944 г. Реабилитирован 28 сентября 1955 г. Президиумом Сталинградского областного суда.

Дочь Серёжникова Вера Викторовна передала сохранившиеся вещи, материалы и документы отца в Государственный исторический музей и в Государственный архив Российской Федерации. Они доступны исследователям. Это – замечательный и достойный подражания пример бережного отношения к творческому наследию философа.

Вера Викторовна Серёжникова написала воспоминания об отце. Они печатаются в приложении к настоящей статье.

Список литературы

Александров Г.Ф. Рец. на кн.: Аристотель. Афинская полития / Предисл. В.К. Серёжникова. М.; Л., 1936 // Кн. и пролетар. революция. 1936. № 6. С. 48–55.

Александров Г.Ф. Рец. на кн.: Аристотель. О душе / Предисл. В.К. Серёжникова. М., 1937 // Под знаменем марксизма. 1938. № 3. С. 182–187.

Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 28. Л. 68–81.

Асмус В.Ф. Рец. на кн.: Платон. Теэтет / Пер. В.К. Серёжникова. М.; Л., 1936 // Кн. и пролетар. революция. 1936. № 12. С. 79–85.

Гагарин А.П. На философском факультете МИФЛИ // Тр. Моск. ин-та истории, философии и лит. им. Н.Г. Чернышевского. Т. 1. М., 1937. С. 265–269.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10022. Оп. 1. Д. 12.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10022. Оп. 1. Д. 13.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10022. Оп. 1. Д. 15.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10022. Оп. 1. Д. 6.

Дидро Д. Избранные философские сочинения / Пер. и примеч. В.К. Серёжникова. СПб.: М.И. Семенов, 1913. 318 с.

Дынник М.А. Рец. на кн.: Платон. Теэтет. М.; Л., 1936 // Под знаменем марксизма. 1937. № 4. С. 222–226.

Загребаяева В.Н., Козлов Б.И., Савина Г.А. Коммунистическая академия ЦИК СССР (1918 – 1936). Вып. II. М.: Архив РАН, 2009. 314 с.

Колубовский И.Я. Рец. на кн.: Платон. Теэтет / Пер. В.К. Серёжникова. М.; Л., 1936 // Фронт науки и техники. 1937. № 2. С. 139–144.

Кондаков Н.И. Рец. на кн.: Аристотель. О душе / Предисл. В.К. Серёжникова. М., 1937 // Кн. и пролетар. революция. 1937. № 11. С. 67–73.

Милонов К.К. Рец. на кн.: Серёжников В.К. Кант. М.; Л., 1926 // Правда. 9.06.1926.

Оруженосцы оппортунизма // Первый ун-т (Москва). 14.04.1930.

Павлов А.Т. Философия в Московском университете. СПб.: РХГА, 2010. 286 с.

³⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10022. Оп. 1. Д. 12. Л. 7-об.

³⁹ Там же. Д. 13. Л. 6.

Познер В.М. Памятники человеческой мысли. Рец. на кн.: Аристотель. Афинская полития / Предисл. В.К. Серёжникова. М.; Л., 1936 // Правда. 16.11.1936.

Рец. на кн.: Серёжников В.К. Кант. М.; Л., 1926 // Летописи марксизма. 1927. № 2. С. 133–134.

Российский государственный архив социально-политической истории. Регистрационный бланк члена ВКП(б) № 1179968 (1936).

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 6688.

Серёжников В.К. Гегель // Энциклопедия государства и права. Вып. II / Под ред. П.И. Стучки. М., 1925. С. 555–561.

Серёжников В.К. Государственный исторический музей и перспективы его развития // Сов. музей. 1935. № 2. С. 34–41.

Серёжников В.К. Диалектика мира по Аристотелю // Под знаменем марксизма. 1936. № 7. С. 82–97.

Серёжников В.К. Диалектический материализм. М.: МГУ, 1930.

Серёжников В.К. Заочник-юрист. М.: МГУ, 1930.

Серёжников В.К. Исторический материализм. Вып. I. М.; Л.: МГУ, 1928. 295 с.; Вып. II. М.; Л.: МГУ, 1929. 274 с.

Серёжников В.К. Как работать в семинарии. Опыт работы в семинарии по историческому материализму. М.: МГУ, 1930. 56 с.

Серёжников В.К. Кампанелла // Большая советская энциклопедия / Под ред. О.Ю. Шмидта. Т. 31. М., 1937. Стлб. 136–139.

Серёжников В.К. Кант // Энциклопедия государства и права. Вып. III / Под ред. П.И. Стучки. М., 1926. С. 351–364.

Серёжников В.К. Ламетри. М.: Госиздат, 1925. 118 с.

Серёжников В.К. Очерки по истории философии. М.; Л.: Госиздат, 1929.

Серёжников В.К. Рец. на кн.: Дынник М.А. Очерк истории философии классической Греции. М., 1936 // Кн. и пролетар. революция. 1937. № 2. С. 146–148.

Серёжников В.К. Социально-политическая теория Аристотеля // Под знаменем марксизма. 1936. № 9. С. 19–45.

Серёжников В.К. Учение Канта о времени и пространстве перед судом физиологии // Под знаменем марксизма. 1924. № 4–5. С. 50–59.

Серёжников В.К. Учение Канта о праве и государстве // Сов. право. 1924. № 3. С. 40–50.

Серёжников В.К. Филипп, епископ Смоленский и Дорогобужский и православная церковь (По материалам процесса смоленских церковников 1–24 августа 1922 г.). Смоленск: Смоленский губком РКП(б), 1922. 41 с.

Соколов В.В. В.К. Серёжников // История философской мысли в Московском университете / Под ред. И.Я. Щипанова. М., 1982. С. 234–236.

Факультет общественных наук Первого Московского государственного университета / Под ред. В.К. Серёжникова. М.: МГУ, 1925.

Viktor Konstantinovich Serezhnikov: sketch of a biography

Sergei Korsakov

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Volkhonka Str. 14/5, Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: snkorsakov@yandex.ru

This is a biographical sketch of a notable Soviet historian of philosophy Victor Serezhnikov. Member of Russian Social Democratic Labour Party, Serezhnikov became one of the first research fellows of the Institute of Philosophy and professor of the faculty of letters of Moscow Institute of Philosophy, Literature and History, writing monographs on ancient philosophers, La Mettrie and Kant and publishing translations of many classical works of philosophy. Even before the October Revolution, while the writings of materialist

philosophers remained banned by tsarist censorship, Serezhnikov managed to translate and publish abroad a volume of works of Diderot and another one of La Mettrie. The present sketch of Serezhnikov's biography is for the first time based on documents from various archives. Particular attention is given the role Serezhnikov played in the study of ancient philosophy in pre-war USSR. The author extensively quotes the letters wich Serezhnikov, who was subjected to repressions and died in labour camp, sent to his relatives from prison. The memoirs of Serezhnikov's daughter Vera, reproduced in the Appendix, offer a glimpse into the atmosphere of family life of a Soviet professor of philosophy during 1930s.

Keywords: Victor Serezhnikov, history of philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Stalinism

References

Aleksandrov, G. "Review: Aristotel. Afinskaya politiya. Predislovie V.K. Serejnikova. M.; L., 1936" [Review of Aristotle, *Athenaion Politeia*, with an Introduction by V.K. Serezhnikov. Moscow and Leningrad, 1936], *Kniga i proletarskaya revluziya*, 1936, no 6, pp. 48–55. (In Russian)

Aleksandrov, G. "Review: Aristotel. O dushe. Predislovie V.K. Serejnikova. M., 1937" [Review of Aristotle, *On the Soul*, with an Introduction by V.K. Serezhnikov], *Pod znamenem marksizma*, 1938, no 3, pp. 182–187. (In Russian)

Archive of Russian Academy of Sciences. F 355. Op. 3. D. 28. L. 68-81. (In Russian)

Asmus, V. "Review: Platon. Teetet / Perevod V.K. Serejnikova. M. L., 1936" [Review of Plato, *Theaetetus*, translated by V.K. Serezhnikov. Moscow and Leningrad, 1936], *Kniga i proletarskaya revluziya*, 1936, no 12, pp. 79–85. (In Russian)

Diderot, D. *Isbrannye filosofskie sochineniya* [Selected Philosophical Works], trans. by V. Serejnikov. St.Petersburg: M.I. Semenov Publ., 1913. 317 pp. (In Russian)

Dynnik, M. "Review: Platon. Teetet / Perevod V.K. Serejnikova. M. L., 1936" [Review of Plato, *Theaetetus*, translated by V.K. Serezhnikov. Moscow and Leningrad, 1936], *Pod znamenem marksizma*, 1937, no 4, pp. 222–226. (In Russian)

Gagarin, A. "Na filosofskom fakul'tete MIFLI" [At the Department of Philosophy of MIHPL], *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury im. N.G. Chernyshevskogo* [Proceedings of Moscow N.G. Chernyshevsky Institute of History, Philosophy and Literature], vol. 1. Moscow, 1937, pp. 265–269. (In Russian)

Kolubovskii, I. "Review: Platon. Teetet / Perevod V.K. Serejnikova. M.; L., 1936" [Review of Plato, *Theaetetus*, translated by V.K. Serezhnikov. Moscow and Leningrad, 1936], *Front nauki i tehniki*, 1937, № 2, pp. 139–144. (In Russian)

Kondakov, N. "Review: Aristotel. O dushe. Predislovie V.K. Serejnikova. M., 1937" [Review of Aristotle, *On the Soul*, with an Introduction by V.K. Serezhnikov. Moscow 1937], *Kniga i proletarskaya revluziya*, 1937, no 11, pp. 67–73. (In Russian)

Milonov, K. "Review: Serejnikov V. Kant. M.;L., 1926" [Review of V.K. Serezhnikov. Kant. Moscow and Leningrad, 1926], *Pravda*. 9.06.1926 (In Russian)

"Oruzeniszy oportunizma" [The Armour-bearer of Opportunism], *Pervyj universitet*. 14.04.1930. (In Russian)

Pavlov, A. *Filosofiya v Moskovskom universitete*. [Philosophy in Moscow University]. St.Petersburg: RChGA Publ., 2010. 286 pp. (In Russian)

Pozner, V. "Pamyatniki chelovecheskoi mysli. Review: Aristotel'. Afinskaya politiya / Predisl. V.K. Serezhnikova. M.; L., 1936" [Monuments of Human Thought. A Review of Aristotle, *Athenaion Politeia*, with an Introduction by V.K. Serezhnikov. Moscow and Leningrad, 1936], *Pravda*. 16.11.1936. (In Russian)

Review: Serejnikov V. Kant. M.; L., 1926 [Review of V.K. Serezhnikov. Kant. Moscow and Leningrad, 1926], *Letopisi marksizma*, 1927, no 2, pp. 133–134. (In Russian)

Russian State Archive of Socio-Political History. CPSU Member Registration Form No. 1179968 (1936). (In Russian)

Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Op. 100. D. 6688. (In Russian)

Serezhnikov, V. (ed.) *Fakul'tet obshchestvennykh nauk Pervogo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Department of Social Sciences of First Moscow State University], Moscow: MSU Publ., 1925. (In Russian)

Serezhnikov, V. "Campanella", *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopaedia], vol. 31, ed. by O. Shmidt. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1937, Sp. 136–139. (In Russian)

Serezhnikov, V. "Dialektika mira po Aristotelyu" [Dialectic of the World According to Aristotle], *Pod znamenem marksizma*, 1936, no 7, pp. 82–97. (In Russian)

Serezhnikov, V. "Gosudarstvennyi istoricheskii muzei i perspektivy ego razvitiya" [State History Museum and Prospects of its Development], *Sovetskii muzei*, 1935, no 2, pp. 34–41. (In Russian)

Serezhnikov, V. "Hegel", *Entsiklopediya gosudarstva i prava* [Encyclopaedia of State and Law], vol. 2, ed. by P. Stuchka. Moscow: Kommunisticheskaya akademiya Publ., 1925, pp. 555–561. (In Russian)

Serezhnikov, V. "Kant", *Entsiklopediya gosudarstva i prava* [Encyclopaedia of State and Law], vol. 3, ed. by P. Stuchka. Moscow: Kommunisticheskaya akademiya Publ., 1926, pp. 351–364. (In Russian)

Serezhnikov, V. "Review: Dynnik M.A. Ocherk istorii filosofii klassicheskoi Gretsii. M., 1936" [Review of M.A. Dynnik. Outline of the History of Philosophy in Classical Greece.], *Kniga i proletarskaya revolyutsiya*, 1937, no 2, pp. 146–148. (In Russian)

Serezhnikov, V. "Sotsial'no-politicheskaya teoriya Aristotelya", [Socio-political Theory in Aristotle], *Pod znamenem marksizma*, 1936, no 9, pp. 19–45. (In Russian)

Serezhnikov, V. "Uchenie Kanta o prave i gosudarstve", [Kant's Doctrine of Law and State], *Sovetskoe pravo*, 1924, no 3, pp. 40–50. (In Russian)

Serezhnikov, V. "Uchenie Kanta o vremeni i prostranstve pered sudom fiziologii", [Kant's Doctrine of Time and Space at the Trial of Physiology], *Pod znamenem marksizma*, 1924, no 4–5, pp. 50–59. (In Russian)

Serezhnikov, V. *Dialekticheskii materialism* [Dialectical Materialism]. Moscow: MSU Publ., 1930. (In Russian)

Serezhnikov, V. *Filipp, episkop Smolenskii i Dorogobuzhskii i pravoslavnaya tserkov' (Po materialam protsesssa smolenskikh tserkovnikov 1–24 avgusta 1922 g.)* [Philip, Bishop of Smolensk and Dorogobuzh, and the Orthodox Church (from the Acts of the Trial of Smolensk Clergymen on August 1–24, 1922)]. Smolensk: Smolenskii gubkom RKP(b) Publ., 1922. 41 pp. (In Russian)

Serezhnikov, V. *Istoricheskii materialism* [Historical Materialism], 2 vols. Moscow; Leningrad: MSU Publ., 1928–1929. (In Russian)

Serezhnikov, V. *Kak rabotat' v seminarii. Opyt raboty v seminarii po istoricheskomu materializmu* [Working in a Seminar: an Essay of Studies in the Seminar on Historical Materialism]. Moscow: MSU Publ., 1930. 56 pp. (In Russian)

Serezhnikov, V. *Lametrie*. Moscow: Gosizdat Publ., 1925. 118 pp. (In Russian)

Serezhnikov, V. *Ocherki po istorii filosofii* [Essays in the History of Philosophy]. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ., 1929. (In Russian)

Serezhnikov, V. *Zaochnik-yurist* [A Correspondence Student of Law]. Moscow: MSU Publ., 1930. (In Russian)

Sokolov, V. "V. Serezhnikov", *Istoriya filosofskoi mysli v Moskovskom universitete* [A History of Philosophy in Moscow University], ed. by I. Shchipanov. Moscow: MSU Publ., 1982, pp. 234–236. (In Russian)

State Archive of the Russian Federation. F. 10022. Op. 1. D. 12. (In Russian)

State Archive of the Russian Federation. F. 10022. Op. 1. D. 13. (In Russian)

State Archive of the Russian Federation. F. 10022. Op. 1. D. 15. (In Russian)

State Archive of the Russian Federation. F. 10022. Op. 1. D. 6. (In Russian)

Zagrebaeva, V., Kozlov, B. & Savina, G. *Kommunisticheskaya akademiya ZIK SSSR (1918 – 1936)* [The Communist Academy (1918–1936)], vol. 2. Moscow: Arkhiv RAN Publ., 2009. 314 pp. (In Russian)

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.В. Серёжникова

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ОТЦЕ*

Мой отец родился 24 ноября 1873 года в семье астраханского казака. У его родителей было семеро детей, один из которых умер еще совсем маленьким. Шестерых же ребятишек матери удалось вырастить, несмотря на смерть мужа.

Виктор Константинович стал известным революционным деятелем, членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с 1894 года. Долгое время находился в эмиграции вместе с Плехановым, Алексинским, Чичериным и др. С 20 октября 1918 г. по предложению В.И. Ленина был избран профессором Социалистической академии общественных наук по кафедре философии. Один из авторов первого издания Краткого курса истории ВКП(б) и в частности четвертой главы этого труда. Виктор Константинович умер в ссылке 27 июня 1944 года.

Я, младшая дочь, Вера Викторовна Серёжникова, родилась 7 июня 1925 года. Помню своего отца – среднего роста, немного полноватый, с темно-каштановыми волосами, лежащими крупными волнами, с усами и замечательными зубами. Походка медлительная, твердая. Всегда спокойный, мудрый, сдержанный и доброжелательный. Носил пенсне или очки, т. к. приходилось много читать, а зрение было неважное.

Его все уважали и часто обращались за советами и с просьбами по разным вопросам, и он никогда не отказывал.

Двери нашей квартиры всегда и для всех были открыты. Эту квартиру отец получил как старый большевик и профессор в 1923 году. Она находилась в бывшем доходном доме с гостиницей «Брест» (которую затем переименовали в «Якорь»). Дом выходил на три улицы: Тверскую-Ямскую, Большую Грузинскую и 1-ю Брестскую. Квартал заканчивался церковью Василия Кесарийского, отличавшейся грандиозной архитектурой и обширностью. Она также выходила на три улицы – Тверскую-Ямскую, Васильевский переулок и 1-ю Брестскую.

Наш дом до революции принадлежал купцу, крупному лесопромышленнику Михаилу Петровичу Аристову и его жене Лидии Александровне Протазановой. Елена Константиновна (младшая сестра отца) рассказывала мне, что во время революции ночью в квартиру явились вооруженные матросы выселять бывшего домовладельца Аристова. Отец встал на защиту и сказал: «Советской власти необходимы такие крупные специалисты по лесному делу». В то время отец был единственным партийцем в доме. Слава Богу, матросы ушли, выселение не состоялось, и эти тихие, скромные люди продолжали спокойно жить.

* Публикация С.Н. Корсакова. При поддержке РГНФ. Проект № 15-03-00244 «Институт философии РАН в период сталинизма».

Лидия Александровна Протазанова – сестра известного и талантливейшего режиссера Якова Александровича Протазанова. В 1900-х годах он сам жил с ними в квартире. Это замечательный, добрейший, интеллигентный человек. Я его очень хорошо помню, он часто приходил к своей сестре.

Протазанов дружил с моим дядей Василием Константиновичем (младшим братом отца) – артистом Театра Корша, одним из первых заслуженных артистов РСФСР, теоретиком искусства декламации, педагогом, режиссером, профессором-логопедом. Его хорошо знали в артистических кругах тех лет. Им был создан Государственный институт декламации. Он находился на улице Герцена, как раз напротив Консерватории (в глубине двора старое здание школы). Среди его выпускников профессор Е.Ф. Саричева, преподаватели А.В. Прянишников, А.В. Круминг, И.Я. Блинов, Е.К. Гальперин, В.В. Другова, артисты-чтецы: Н.Ф. Першин, Н.М. Эфрос, П.М. Ярославцев, Ю.С. Глазунова, В.Г. Суханова, Б.В. Чепанова, Э.Э. Лукова, Н.Д. Игнатьев, дикторы Всесоюзного радио В.С. Соловьева, Е.И. Гольдина, А.И. Головина, Н.А. Толстова, З.П. Ремизова и многие другие. Система школы Василия Серёжникова – музыкально-речевая. Вслед за Сергеем Волконским и Юрием Озоровским Серёжников утверждает музыкальную природу речи. В 1923 году он из числа своих учеников и преподавателей организовал Московский передвижной театр чтеца (закрыт в конце 1930-х гг.). В 1935 году Василий Константинович был репрессирован. Скончался в 1952 году.

Квартира огромная: на каждую семью по сто метров жилой площади. Длинные коридоры, по которым мы в детстве катались на велосипеде. Два парадных и один черный вход – через него выходили в закрытый двор с красивыми чугунными воротами. В десять часов вечера ворота запирались. Чтобы попасть домой, звонили дворнику. Дети нашего дома гуляли во дворе под зорким присмотром всей дворни.

Во дворе жили столяр, сапожник, лудильщик, точильщик. Все нужное для повседневной жизни было под руками. Наша квартира – веселая, солнечная, полная жизни. В ней хозяйствовала моя тетя (младшая сестра отца) Елена Константиновна, она занималась кухней и семейным бюджетом. Я ее называла мамой. Родная мама Мария Константиновна Лукавская (жена отца) работала сестрой милосердия и часто уезжала на фронт. Мама умерла в 1927 году, нас осталось трое: сестра Ариадна двенадцати лет, я, двухлетняя, и сводный брат по матери Георгий четырнадцати лет.

Папа был настоящим отцом семейства, на его иждивении тогда находилось шесть человек. Маму свою я не помню и сиротой себя никогда не чувствовала. Отец был большим любителем после обеда (обедали часов в шесть) пойти на прогулку в Петровский парк, находящийся на современном Ленинградском шоссе, и всегда брал меня с собой. Мы проходили через Триумфальные ворота – огромные и грандиозные: они возвышались в конце Тверской-Ямской улицы. Около ворот стояли две сторожевые будки, покрашенные в белые и черные диагональные полосы. Во время нашего гуляния отец часто останавливался, глядел на небосвод и рассказывал много интересного о звездах. Обыкновенно доходили мы до ипподрома, на котором происходили конные бега и скачки, и возвращались домой к ужину. По-семейному садились за большой обеденный стол с кипящим самоваром. Собиралась вся семья, и начиналось вечернее чаепитие с вкуснейшими пирожками, которые всегда пекла тетя Елена. После ужина каждый занимался своим делом: кто-то шил, кто-то читал вслух интересную книгу. Я любила вышивать. В десять часов дети шли спать.

Отец уходил в свой кабинет на отдых, а ночью вставал работать. С головой погружался в свои книги и любимую философию. В кабинете отца стояли большой письменный стол с зеленым сукном и старинное кресло. На столе – лампа с зеленым абажуром, письменный прибор, бювар, много карандашей, ручек, набор ножей для разрезания журналов и книг, три бронзовые статуэтки (Шиллер, Шекспир, Гёте), в рамке портрет Ламетри, этажерка, полная словарей, несколько специальных ящиков с каталогом библиотеки, которая насчитывала около 15 000 томов по философии, истории, русскому языку, иностранным языкам и другим отраслям знаний. Часто отец писал стоя за конторкой. Для сна – широкий диван, на стене висела карта мира.

Вся наша семья отца очень уважала, прислушивалась к его советам. В трудные минуты все обращались к нему за помощью, и он никогда никому не отказывал. К нам, к детям, он относился с большой нежностью и заботой. Мне покупал книги с иллюстрациями хороших художников, выписывал журнал «Чиж и Ёж» с иллюстрациями художника-графика М.М. Черемных.

Несколько раз были с отцом в Большом театре на балетах: «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Лебединое озеро». Мне очень нравилась балерина Марина Тимофеевна Семёнова. Классические пропорции тела, изумительная пластика. С каким изяществом она кланялась публике в конце спектакля!

В Художественном театре с отцом смотрели спектакль «Синяя птица». Вообще, можно сказать, я выросла в Театре юного зрителя в переулке Садовских. В нем работал актером муж двоюродной сестры. Моими кумирами были певцы и певицы: А.В. Нежданова, В.В. Барсова, Н.А. Обухова, С.Я. Лемешев.

Любила слушать патефонные пластинки с записью голосов Галли Курчи, Ф.И. Шаляпина, Вертинского. С А.Н. Вертинским я познакомилась в поезде, когда возвращалась из Москвы к себе на дачу (станция «Валентиновка», Северная ж. д.). Он несколько лет подряд снимал там дачу для своих маленьких девочек. Часто разговаривали, он много и остроумно шутил. Раз пять я была на его концертах. Необыкновенно талантливый актер. Каждая его песня – это картина, написанная жестами выразительных рук – маленький жизненный эпизод, западающий в душу.

Меня учили музыке, шитью и вышиванию. Подготовкой к школе со мною занимался сам отец. Я поступила в образцовую школу № 25 Свердловского района г. Москвы, созданную специально для «кремлевских детей» и детей вышестоящих партийных работников. Она находилась в Старо-Пименовском переулке в здании бывшей гимназии. Здание с колоннами, подпирающими полукруглый балкон. Внутри огромный великолепный интерьер вестибюля. В те годы директором школы была Нина Иоасафовна Гроза – умная, энергичная, справедливая. Заведующий учебной частью – Александр Семенович Толстов – старейший одаренный филолог и историк. Учили нас замечательно.

Самая первая моя учительница, Евгения Карловна Вейцлер, в моей памяти осталась на всю жизнь. Математику преподавал старый профессор Юлий Осипович Гурвиц. Замечательные историки – Петр Константинович Холмогорцев и Николай Афанасьевич Куликов. Литературу вела лучшая из лучших – Анна Алексеевна Яснопольская. Ее уроки были необыкновенно увлекательными.

Нас, учеников, называли на «вы» и коллективно к классу «господа»: «Господа, шум в классе!», «Господа, будете халтурить, выведу двойки в четверти», – очень лаконично, спорить невозможно. С нашими учителями встречались потом классами, всегда тепло о них вспоминали.

В середине 1930-х годов нашу школу захлестнула волна террора. Начались репрессии в школе. Из нашего класса 6 «Б» многие ребята были переведены в параллельный класс 6 «А», некоторые ребята ушли из школы совсем. Причина была одна – у переведенных ребят арестованы родители. Вместе со Светланой Сталиной в одном классе лучше не быть.

Ни учителя, ни ребята не изменили своего прежнего отношения к детям «врагов народа».

Светлана Сталина, Лев Булганин были моими ровесниками, Серго Берия, Воля Маленкова – на один год старше, Светлана Молотова – на три года моложе, одна внучка Горького была моей ровесницей, другая – на один год моложе и т. п. Только Василий Сталин был старше лет на пять.

Н.И. Грозу арестовали в 1937 году, и директором школы стала Ольга Федоровна Леонова (депутат Верховного Совета). Школа получила новый номер и стала числиться под № 175; она существует и по сей день как одна из лучших школ Москвы.

Отец очень заботился о воспитании и образовании детей. У моей старшей сестры Ариадны были хорошие учителя. Она изучала языки, училась музыке, рисованию, очень увлекалась литературой, с детства изучала стихи и музыку. Сестра мечтала серьезно заниматься музыкой, а отец настаивал на химии. Она, конечно, согласилась, т. к. авторитет отца был слишком велик. Она не стала доказывать и спорить, а просто поступила в Московский химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева.

Мой брат Георгий, сводный по матери, скромный, застенчивый, увлекался поэзией и рисованием. Участвовал в строительстве первой очереди Метрополитена. После окончания строительства работал заместителем начальника станции «Преображенская». Погиб на фронте в 1941 году.

Обыкновенно в дом приходило много народа: профессора Смоленского университета Миллер, Дыхно, Жаринов, Давыдов и др. Часто бывал Николай Иванович Бухарин. Я помню его летом в сандалиях, в толстовке, в холщевых летних брюках. Он играл с детьми, сестру отца учил кататься на велосипеде. С ним всегда всем было весело. Бывали врачи: Четвериков, Свержевский, Преображенский, Плетнёв. Частыми посетителями бывали С.М. Романовская и В.Н. Сарабьянов (мой отец готовил его когда-то в Астраханскую гимназию). Они были неразлучными друзьями вплоть до ареста отца. Завсегдатаем бывал Иван Дмитриевич Сытин, русский издатель-просветитель. С 1884 года он печатал книги в издательстве «Посредник», издавал учебники, научно-популярные книги, дешевые издания собраний сочинений классиков русской литературы, энциклопедии, народные календари и др. В начале 1910-х годов издательство Сытина стало крупнейшим в России. После Октябрьской революции Сытин был консультантом Госиздата – персональным пенсионером. Иван Дмитриевич всегда приходил с пачкой новых книг.

Брат отца, Василий Константинович, приводил друзей – очень интересных и знаменитых. Помню, на какой-то Первомайский праздник пришли с гармошкой и красными бантами в петлицах пиджаков под песню «Яблочко» два закадычных друга: мой дядя Вася и поэт Василий Васильевич Каменский, один из первых русских пилотов (ввел в обиход слово «самолет»), в ранней молодости – представитель футуризма (его поэмы – «Стенька Разин», «Емельян Пугачев», «Иван Болотников»). Мы, дети, в этих праздниках участия не принимали, расходились по своим комнатам и занимались своими делами.

В те счастливые годы, казалось, ничего еще не предвещало будущих трагедий. Отец был окружен братьями, сестрами и детьми. По праздникам собиралось много гостей. Взрослые беседовали, веселились, танцевали, пели, читали стихи.

Отец самозабвенно занимался наукой. Честность, верность и доброжелательность – вот его главные черты: честность перед самим собой и верность партийному и государственному долгу. В 1920-е–1930-е годы отец много работал с молодежью. Как лектор пользовался у слушателей заслуженным глубоким уважением. Помню отца со строгим выражением лица, с задумчивыми глазами. Нам, детям, часто говорил: «Вы понимаете – вам трудно, проблемы серьезные, а опыта еще нет, знаний тоже не хватает. Так учитесь! И совет мой прост: все, чем волнуется мир, должно вас волновать также. Мы идем вперед, нам трудно, но ведь мы идем! Эх дети, если бы Вы знали, через что мы уже прошли!.. И еще дальше пойдем».

Отец все время мечтал о своей даче. Приобрел он ее в 1937 году. Участок большой, в 24 сотки. Мы посадили там малину, клубнику, смородину. А отец возле террасы – кусты жасмина и сирени, а за домом – небольшую липовую аллею. Зимой в школьные каникулы мы выезжали на дачу. Отца это очень радовало. Он любил в тиши от городского шума писать свои труды. Но, увы, в 1938 году отца арестовали, и мое счастливое детство закончилось. Благополучию нашей семьи пришел конец.

Мой отец, Серёжников Виктор Константинович, был человеком твердым, решительным и принципиальным, говорил все, что думал, не выносил лицемерия и отличался чувством справедливости.